

С. Ю. Деев, С. Н. Немгирова
(канд. ист. наук,
Институт комплексных исследований аридных территорий;
канд. эконом. наук, зав. отделом,
Институт комплексных исследований аридных территорий)

**Формирование национальной идентичности:
региональные особенности**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-50-57

Этнический фактор активно вошел в повестку дня общественно-политической жизни. Такие категории, как этничность и идентичность, стали политическими инструментами, произошла фактическая институционализация этничности. Российская Федерация столкнулась с обострением отношений в межэтнической сфере, с высокими темпами аккумуляции в ней конфликтного потенциала. Следствием этого стал поиск оптимальной модели этнокультурного развития на современном этапе. В этот процесс активно включились регионы. Именно поэтому в последнее время исследователей этнополитических процессов в России особенно привлекают региональные сюжеты. Проблема лишь в том, что каждый регион Российской Федерации уникален, имеет неповторимую этнокультурную специфику. Это означает, что не существует и единого для всех регионов рецепта решения проблем в межэтнической сфере. В этом контексте этнокультурная политика, учитывающая региональные особенности, становится значимым фактором стабильности социума.

Мы увлечены модернизацией, инновациями, что лежит в рамках нашего сегодняшнего опыта, при создании тех или иных моделей мы чаще используем опыт западных стран. Однако и там все очень запутано. На Россию влияют процессы идентификации, начавшиеся в Европейском Союзе. С одной стороны, мультикультуральные процессы и иммиграция разрушают идентичности стран Европы и способствуют созданию единой идентичности, о чем хорошо сказано у П. Бьюкенена [Бьюкенен 2003]. Но, с другой стороны, есть мнение, что адаптационные механизмы сработают и, следовательно, предсказания о гибели западноевропейской цивилизации сильно преувеличены. Некоторые исследователи считают отдельным случаем феномен национальной идентичности США, где изначально из приехавших людей различных

национальностей формировалась единая нация — американский народ, и идентичность местного населения оказалась под вопросом, вероятно, не в последнюю очередь из-за опасности претензий единственно правоправного народа на владение этими землями. Сегодня аборигены в США маргинальны, но не они влияют на деструкцию идентичности, приметы которой увидел С. Хантингтон [Хантингтон 2004]. Европа, США, многие другие страны находятся на переломе, и мы — не исключение. Вопрос в другом, какими правилами воспользуются страны, и Россия в том числе. От этого зависит национальная идентичность, геополитическое и экономическое место в мире, сохранение «лица» и территорий, что в итоге означает — сохранение государства. Однако при этом было бы чрезвычайно полезно при создании этих схем и моделей учитывать традиции, мифостроительный фундамент, присущие нашей идентичности.

Применение термина «национальная идентичность» относительно России вызывает особенно жаркие споры. Иногда мы слышим заявления, что вообще неправомерно ставить вопрос о единой нации в России даже в гражданском ключе, и поэтому сам термин «национальная идентичность» не корректен. Поэтому трудно спорить с академиком В. А. Тишковым, который считает, что в вопросе о понятиях «царит путаница», чреватая опасностями для общества и государства [Тишков 2008]. Большинство исследователей дробят национальную идентичность, выделяя две ее категории: гражданскую, свойственную населению всей многонациональной страны («мы — россияне»), и индивидуальную или этнонациональную, присущую лицам определенной национальности, целой нации, этносу. Конечно, это очень упрощенное понимание проблемы национальной идентичности. По мнению М. Прайса, этот взгляд на проблему является «романтичным» [Прайс 2000], но в целом понятны все плюсы и минусы такого подхода.

Мы не будем углубляться в проблемы определения. Национальная идентичность, как и любая другая, видоизменяется, постоянно дополняется под воздействием очень многих условий и факторов. Главное — она должна быть. В современной России мы переживаем период видоизменений и дополнений, с момента разрушения Советского Союза мы все еще находимся в стадии «слома», и пока, по различным наблюдениям, до ее завершения далеко.

В России пока не определены основания для становления национальной идентичности в новых условиях, о чем мы можем судить по научной литературе и политическим репликам. Свои позиции по поводу гражданской нации и российского народа как цельного, исторически обусловленного понятия выразила и власть в лице В. В. Путина: «Имею в виду, когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком» [Стенограмма 2014].

Вопрос о возможности формирования российской нации, о ценностях, составляющих основу российской идентичности, — это, прежде всего, вопрос об отношении к России, своему народу, этнической и религиозной принадлежности, культуре, традициям и обычаям страны и своей малой родины. Эти проблемы нуждаются в постоянном мониторинге, в том числе и с применением социологического инструментария. Впервые такой замер был произведен в 2012 г. в рамках программы исследований «Этноконфессиональное и межкультурное взаимодействие в Республике Калмыкия», а с 2013 г. Институт комплексных исследований аридных территорий проводит ежегодный мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений, одной из задач которого является выявление особенностей самоидентификации населения (в 2012 г. N=386, в 2013 г. N=509, в 2014 г. N=553, в 2015 г. N=572, в 2016 г. N=400, в 2017 г. N=413). При определении выборочной совокупности учитываются особенности социально-демографического и национального состава генеральной совокупности. Опрос респондентов в возрасте 18 лет и старше проводится в г. Элисте и районах республики. В качестве инструментария исследования используется массовый опрос с применением стандартизированной анкеты.

Выбор идентичности респондент совершает на основе свободного осознания. Данный показатель фиксируется по отношению к суждению: «Кем Вы себя более всего ощущаете: россиянином, представителем своей национальности или гражданином мира (жителем республики)?». Все респонденты были распределены на три типа личности гражданского самосознания (рис. 1). В 2012 г. 59,3 % опрошенных ощущали себя «россиянами». Этот показатель значительно упал в 2013 г. (44,8 %), после чего вновь вернулся на привычный уровень.

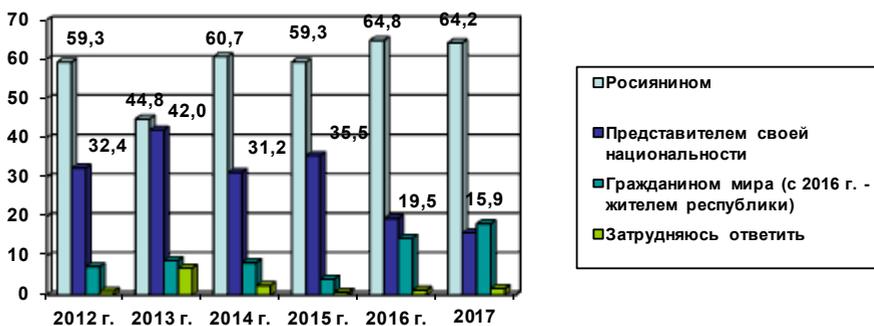

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете в первую очередь?» (в % по годам)

Процент ответа «россиян» среди опрошенных граждан республики стабильно превышает два других типа идентичности. Говоря о гражданской идентичности, хотелось бы отметить следующее: один и тот же момент может быть и проблемным, и очевидным. С одной стороны, высокая востребованность общенациональной идентичности («Я — россиянин») приводит к разрушению нации (в нашем случае калмыцкой), с другой — более высокая значимость этноконфессиональной константы не может привести к формированию единого и бесконфликтного социального пространства (так называемая «гражданская» нация). И что здесь считать проблемным, а что очевидным? Поэтому мы оставим в стороне оценочные суждения и попробуем сформулировать нашу точку зрения следующим образом: почти всякое явление можно рассматривать как знак какого-то другого явления. На протяжении шести лет мониторинга (2012–2017 гг.) выбор идентичности респондентов делался в пользу самооценки себя как «россиян».

Кто же они — «россияне» Калмыкии? Сельские жители преобладают над городским населением (и это не могло не вызвать нашего удивления), это по большей части женщины (мужчины более склонны указывать свою национальную принадлежность), что достаточно странно. Женщина — носитель традиции и, соответственно, должна быть более склонна к выбору второго ответа. На наш взгляд, сами вопросы анкеты большинство женщин интуитивно связывают с конфликтной ситуацией, допустить которую они не желают. Это люди с

высшим образованием. По социальному положению это в массе своей служащие. Наши «россияне» — люди верующие, но считающие, что конфликты на религиозной основе возникнуть в республике не могут (процент считающих это возможным не превышает планки 8 %). Это в массе своей люди среднего возраста (30–59 лет). Есть еще одна особенность — две трети респондентов, оценивающих свое материальное положение как «очень хорошее», считают себя россиянами. Пожалуй, «чувствовать» себя так в материальном положении без помощи извне, без бизнеса вне Калмыкии, без связей (дружеских и деловых) вне Калмыкии, без перспектив по карьерной лестнице представляется весьма затруднительным. Так что в этом показателе нет ничего удивительного, как и в том, что люди, указавшие в анкете свое положение как «плохое», гордятся своей страной лишь в 25 % случаев.

Интересно, что идентичности (гражданская, этническая), их основные содержательные смыслы и межэтнические установки не так сильно отличались в различных группах (социальных, образовательных, территориальных). Проценты в различных социальных группах примерно одинаковы. Более заметны отличия лишь в возрастных группах, при этом по разным характеристикам наблюдаются разнонаправленные тенденции. Была выдвинута гипотеза, что процент считающих себя «россиянами» должен быть выше в самой старшей возрастной категории (свыше 60 лет). Все-таки это поколение, воспитанное в СССР, где гражданская (советская) нация была основным элементом социализации. Но самый высокий процент (за 70 %) демонстрируют респонденты в возрасте 30–49 лет, что нужно, безусловно, толковать как их открытость к межэтническому общению.

Абсолютное большинство русских респондентов (80 %) считают себя «россиянами», как и половина опрошенных калмыков. В научном сообществе бытует представление об исторической незавершенности процесса национальной консолидации русских, как граждан единого государства («россиян»), с одной стороны, и стремлении к утверждению и саморазвитию общностей, составляющих его полиэтническое население, — с другой. Для Калмыкии это совершенно не верно. И это знак того, что региональная политическая элита не стремится к формированию политического капитала на эксплуатации национального чувства, а у населения нет желания доказывать кому бы то ни было, что он «калмык» или «русский». Для Калмыкии и СССР проблема межэтнических отношений никогда не стояла остро. Советская тео-

рия этноса подстраивалась под существующую идеологию и государственную национальную политику. В теоретическое построение было введено разграничение понятий «этнос в узком смысле слова» — все лица одной национальности и «этнос в широком значении слова» — этносоциальная общность, т. е. народ, а вернее та его часть, которая проживает в пределах «собственного» национально-государственного образования. Калмыки подпадали и под одно и под другое определение. В результате таких теоретических определений, на наш взгляд, появилась масса несоответствий в характеристике этносов (которая не преодолена до сих пор), излишняя институализация, а точнее, абсолютизация структурных элементов, прежде всего государственности, появление иерархии этнических общностей. Например, даргинцы — это нация или этнос, а кто тогда ногайцы. Или другой вопрос: татарин, проживающий в Башкирии, к какому этносу принадлежит.

Сегодня в Калмыкии в сознании населения существуют различные этнические образования разного ранга (этносы, субэтносы), которые, в своей совокупности, составляют сложную иерархическую систему, отражающуюся в самосознании. Так, один и тот же человек, например калмык, может считать себя и азиатом (обозначим как «метаэтнос»), и калмыком (этнос), и казаком (некий субстрат), и торгутом или дербетом (субэтнос). При этом каждому из перечисленных этнических образований присуще свое мировосприятие. Все эти различия в самосознании людей не находят никакого отражения в национальной политике республиканских властей, которая направлена на формирование гражданской нации — «россиян».

Рассматривая результаты по типам людей гражданского самосознания, можно отметить, что люди с самооценкой «россиянин» больше, чем другие, испытывают чувства «симпатии» и «уважения» к другим национальностям. В этом нет ничего удивительного — это один из главных плюсов «гражданской нации» — толерантность.

Самоидентификация взрослой личности проходит по критериям традиции культура — вера — нация. Совпадение у проживающих на территории этносов всех признаков называется зоной этнической бесконфликтности. На основе анализа собранного эмпирического материала мы можем говорить о том, что Республика Калмыкия — это зона этнической бесконфликтности, где «россиян» всегда больше, «чем представителей своей национальности». Учитывая состояние общественного сознания, Республика Калмыкия — полиэтничный,

толерантный регион с самобытной культурой этносов, исторически проживающих на территории региона, где жители ощущают себя россиянами в общероссийском политическом пространстве. Понятие государственной общности как граждан страны широко распространено в республике, и наши респонденты, вполне осознанно отвечая на вопрос об идентификации, ассоциировали себя с этой общностью.

Конечно, нужно оговориться, что на социально-психологическое самочувствие, установки и идентичность граждан влияет целая группа факторов. Среди них: социальный статус взаимодействующих национальностей, их социальный состав, социальное продвижение, образование, доступ к собственности и участие во власти. Имеют значение культурное, антропологическое сходство, а порой и психологическая совместимость. Но, в отличие от многих других регионов, Республика Калмыкия не испытывает на себе высокого миграционного давления, оставаясь местом компактного и достаточно мирного сосуществования двух преобладающих этносов — калмыков и русских. Именно поэтому на первое место здесь выступают «внутренние» межэтнические отношения, для понимания которых необходим целостный, в том числе исторический подход.

В заключение можно сказать о том, что национальная идентичность (ее характер, масштабность, интенсивность) способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Поэтому формирование идентичности граждан является необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Соответственно, необходимы выработка новых ценностных ориентиров, формирование национальных идеалов, которые должны выступать в качестве вектора развития и регулятора поведения людей, а также инструмента социального прогнозирования.

Литература

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: Изд-во АСТ, 2003. 444 с.

Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 334 с.

Рябов А. Национальная идентичность перед вызовом глобализма [электронный ресурс] // URL: <http://www.soob.ru/n/2003/2/concept/6> (дата обращения: 18.08.2017).

Стенограмма выступления Путина на совещании послов и постпредов // Российская газета. 01.07.2014 [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2014/07/01/prezident-poln.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4 [электронный ресурс] // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11152 (дата обращения: 20.08.2017).

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Изд-во «АСТ»: Изд-во «Транзиткнига», 2004. 635 с.